

Викентий Вересаев

классная
классика

Пушкин в жизни

194

выдержки из свода
подлинных свидетельств современников

**Окончание. Начало
в предыдущем («Опал»)
выпуске**

Дантесу не было большой нужды в знании чужого языка. В том кругу, куда он был вхож, мало говорили по-русски. Правда, по приезде в Петербург, он принялся было за занятия русским языком, но вскоре оставил их. Лениостью он отличался ещё в детстве. Этим в семье объясняли и пробелы его посредственного образования. Даже французский литературный язык давался ему нелегко.

Вообще же ни в молодости, ни в зрелом возрасте он не проявлял почти никакого интереса к литературе. Домашние не припомнят Дантеса в течение всей его долгой жизни за чтением какого-нибудь художественного произведения.

ЛУИ МЕТМАН (внук Дантеса)
по записи Я. Б. Полонского.
Посл. Новости, 1930, № 3340.

...По Петербургу вдруг разнеслись слухи, что Дантес ухаживает за женой Пушкина. Слухи эти долетели и до самого Александра Сергеевича, который перестал принимать Дантеса... Когда Пушкин отказал Дантесу от дома, Дантес несколько раз писал его жене. Наталья Николаевна все эти письма показывала мужу.

ДАНЗАС
по записи А. Аммосова.
Последние дни Пушкина, 8, 10.

Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит,
Летят за днями дни, и каждый день уносит
Частицу бытия – а мы с тобой вдвоём
Предполагаем жить – и глядь – как раз – умрём.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля,
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

Юность не имеет нужды в *at home* (домашнем очаге), зрелый возраст ужасается своего уединения. Блажен, кто находит подругу – тогда удались он *домой*.

О скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню – поля, сад, крестьяне, книги; труды поэтич. – семья, любовь *etc.* – любовь, смерть.

ПУШКИН.

«Неизданный Пушкин». Собрание

А. Ф. Онегина. «Антей», 1922, с. 137, 138.

Уже незадолго перед смертью Пушкин в Александровском театре сидел рядом с двумя молодыми людьми, которые беспрестанно, кстати и некстати, аплодировали Асенковой, в то время знаменитой актрисе. Не зная Пушкина и видя, что он равнодушен к игре их любимицы, они начали шептаться и заключили довольно громко, что сосед их дурак. Пушкин, обратившись к ним, сказал:

– Вы, господа, называли меня дураком; я – Пушкин и дал бы теперь каждому из вас по оплеухе, да не хочу: Асенкова подумает, что я ей аплодирую.

М. М. ПОПОВ.

Рус. Старина, 1874, № 8, 686.

В свете его не любили, потому что боялись его эпиграмм, на которые он не скупился, и за них он нажил себе в целых семействах, в целых партиях врагов непримиримых. В семействе он был счастлив, насколько счастлив может быть поэт, не рождённый для семейной жизни. Он обожал жену, гордился её красотой и был в ней вполне уверен. Он ревновал к ней не потому, что в ней сомневался, а потому, что страшился светской молвы, страшился сделаться ещё более смешным перед светским мнением. Эта боязнь была причиной его смерти, а не г. Дантес, которого бояться было ему нечего. Он вступался не за обиду, которой не было, а боялся огласки, боялся молвы, и видел в Дантесе не серьёзного соперника, не посягателя на его настоящую честь, а посягателя на его имя, и этого он не перенёс.

Гр. В. А. СОЛОГУБ.

Воспоминания, 175–178.

Известно, что воспитанники лицея собирались 19 октября к одному из товарищей, читали стихи, беседовали о прошлом и записывали слова и речи присутствующих, обозначая последних школьными именами и указывая, где находились те из них, кого не было налицо. По обыкновению, и к 1836 году Пушкин приготовил лирическую песнь, (...) развернул лист бумаги, помолчал немного и только что начал, при всеобщей тишине:

**Была пора: наш праздник молодой
Сиял, шумел и розами венчался...**

как слезы покатались из глаз его. Он положил бумагу на стол и отошёл в угол комнаты, на диван... Другой товарищ уже прочёл за него последнюю лицейскую годовщину.

П. В. АННЕНКОВ.

Материалы, 417.

Утром 4-го ноября я получил три экземпляра анонимного письма, оскорбительного для моей чести и для чести моей жены. По виду бумаги, по слогу письма, по манере изложения я в ту же минуту удостоверился, что оно от иностранца, человека высшего общества, дипломата. Я приступил к розыскам. Я узнал, что в тот же день семь или восемь лиц получили по экземпляру того же письма, в двойных конвертах, запечатанных и адресованных на моё имя. Большинство

из получивших эти письма, подозревая какую-нибудь подлость, не переслали их мне.

ПУШКИН –
Гр. А. Х. Бенкендорфу,
21 ноября 1836 г. (фр.).

Великие кавалеры, командоры и рыцари светлейшего Ордена *Рогоносцев* в полном собрании своём, под председательством великого магистра Ордена, его превосходительства Д. Л. Нарышкина*, *единогласно выбрали Александра Пушкина коадьютором (заместителем) великого магистра Ордена Рогоносцев и историографом ордена.*

Непременный секретарь: граф I. Борх.

АНОНИМНЫЙ «ДИПЛОМ»,
полученный Пушкиным 4 ноября 1836 г.
А. С. Поляков. О смерти Пушкина. СПб., 1922, с. 14 (фр.).

197

Только две недели спустя я узнал, что в этот день он (*Пушкин*) послал вызов кавалергардскому поручику Дантесу, усыновлённому, как известно, голландским посланником, бароном Геккереном.

Гр. В. А. СОЛОГУБ.
Воспоминания, 178.

Автором этих записок, по сходству почерка, Пушкин подозревал барона Геккерна-отца. После смерти Пушкина многие в этом подозревали князя Гагарина (вступившего потом в иезуиты); теперь же подозрение это осталось за жившим тогда вместе с ним князем Петром Влад. Долгоруковым. Поводом к подозрению кн. Гагарина послужило то, что письма были написаны на бумаге, одинакового формата с бумагой кн. Гагарина.

А. АММОСОВ, 9.

Княгиня (*жена кн. П. Долгорукова*) утверждала (и это она говорила всем), что её муж сказал ей, что он – автор всей этой интриги.

С. А. СОБОЛЕВСКИЙ.
Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина.
Пг., 1924, с. 25.

Через несколько дней Геккерн-отец распустил слух о предстоящем браке Геккерна с Екатериной Гончаровой. Он уверял Жуковского, что Пушкин ошибается, что его сын влюблён не в жену его, а в свояченицу...

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ.
Щёголев, 258.

На другой день (*17 ноября*) погода была страшная: снег, метель. Я поехал сперва к отцу моему, жившему на Мойке, потом к Пушкину, который повторил мне, что я имею только условиться насчёт материальной стороны самого беспощадного поединка, и, наконец, с замирающим сердцем, отправился к д'Аршиаку. Каково же было моё удивление, когда с первых слов д'Аршиак объявил мне, что всю ночь не спал, что он хотя не русский, но очень понимает, какое значение имеет Пушкин для русских, и что наша обязанность сперва просмотреть все документы, относя-

* Муж красавицы Марии Антоновны, бывшей в связи с императором Александром I и имевшей от него дочь.

щиеся до порученного нам дела. Затем он мне показал: 1) Экземпляр ругательного диплома на имя Пушкина. 2) Вызов Пушкина Дантесу после получения диплома. 3) Записку посланника барона Геккерна, в которой он просил, чтобы поединок был отложен на две недели. 4) Собственноручную записку Пушкина, в которой он объявлял, что берёт свой вызов назад на основании слухов, что г. Дантес женится на его невестке, К. Н. Гончаровой.

Гр. В. А. СОЛОГУБ.
Воспоминания, 181.

10-го января брак (*между Дантесом и Ек. Гончаровой*) был совершён в обеих церквах (*православной и католической*) в присутствии всей семьи.

Бар. ГЕККЕРН-СТАРШИЙ.
Щёголев, 297.

198

Это новое положение, эти новые отношения мало изменили сущность дела. Молодой Геккерн продолжал, в присутствии своей жены, подчёркивать свою страсть к г-же Пушкиной. Городские сплетни возобновились... Положение Пушкина сделалось ещё мучительнее, он стал озабоченным, взволнованным, на него было тяжело смотреть.

Кн. П. А. ВЯЗЕСКИЙ.
14 февр. 1837 г. Щёголев, 260 (*фр.*).

Собственно говоря, Наталья Николаевна виновна только в чрезмерном легкомыслии, в роковой самоуверенности и беспечности, при которых она не замечала той борьбы и тех мучений, какие выносил её муж.

ЕК. Н. МЕЩЕРСКАЯ-КАРАМЗИНА –
Княжне М. И. Мещерской.
Пушкин и его современники, VI, 94, 97.

Под конец жизни Пушкина, встречаясь часто с его женою, которую я искренно любил и теперь люблю, как очень добрую женщину, я раз как-то разговорился с нею о комеражах (*сплетнях*), которым её красота подвергает её в обществе; я советовал ей быть сколько можно осторожнее и беречь свою репутацию и для самой себя, и для счастья мужа, при известной его ревности. Она, верно, рассказывала это мужу, потому что, увидясь где-то со мною, он стал меня благодарить за добрые советы его жене. – Разве ты и мог ожидать от меня другого? – спросил я. – Не только мог, – ответил он, – но, признаюсь откровенно, я и вас самих подозревал в ухаживании за моею женою. – Это было за три дня до последней его дуэли.

Имп. НИКОЛАЙ I
по рассказу бар. М. А. Корфа.
Записки . Рус. Стар., 1899, т. 99, с. 311.

Сам Пушкин говорил Нащокину, что (*Николай*), как офицеришка, ухаживает за его женою; нарочно по утрам по несколько раз проезжает мимо её окон, а ввечеру, на балах, спрашивает, отчего у неё всегда шторы опущены.

П. В. НАЩОКИН
по записи Бартенева.
Рассказы о Пушкине, 45.

В последний год своей жизни Пушкин решительно искал смерти. Тут была какая-то психологическая задача. (...) Жена Пушкина была в форме красавица, и

поклонников у ней были целые легионы. Немудрено, что и Дантес поклонялся ей, как красавице; но связей между ними не было. Подозревают другую причину. Жена Пушкина была фрейлиной при дворе, так думают, что не было ли у ней связей с царём. Из этого понятно будет, почему Пушкин искал смерти и бросался на всякого встречного и поперечного. Для души поэта не оставалось ничего, кроме смерти.

Н. И. ИВАНИЦКИЙ.
Пушкин и его современники,
XIII, 36.

Встретившись за несколько дней до дуэли с баронессой Вревской в театре, Пушкин сам сообщил ей о своём намерении искать смерти. Тщетно она продолжала его успокаивать, как делала то при каждой с ним встрече. Пушкин был непреклонен. Наконец она напомнила об детях его. «Ничего, — раздражительно отвечал он, — император, которому известно всё моё дело, обещал мне взять их под своё покровительство».

М. И. ВРЕВСКИЙ
со слов бар. Е. Н. Вревской. К биографии Пушкина.
Рус. Вестн., 1869, № 11, 90.

Геккерн (*Дантес*) написал Наталье Николаевне письмо, которое было — вопль отчаяния с первого до последнего слова. Цель его была добиться свидания.

(...) Местом свидания была избрана квартира Идалии Григорьевны Полетика...

(...) Через день Пушкин получил злорадное извещение от того же анонимного корреспондента о состоявшейся встрече. Он прямо понёс письмо жене.

Она не отперлась, но поведала смысл полученного послания, причины, повлиявшие на её согласие, и созналась, что свидание не имело того значения, которое она предполагала, и было лишь хитростью влюблённого человека.

(...) Приведённое послание имело последствием вторичный вызов на дуэль Геккерна (старшего. — *Прим. сост.*), но уже составленный в столь резких выражениях, что отнята была всякая возможность примирения.

А. П. АРАПОВА.
Новое время, 1908, № 11425,
иллюстр. прилож., с. 5.

Мадам *N. N. (Идалия Григорьевна Полетика)*, по настоянию Геккерна, пригласила Пушкину к себе, а сама уехала из дому. Пушкина рассказывала княгине Вяземской и мужу, что, когда она осталась с глазу с Геккерном, тот вынул пистолет и грозил застрелиться, если она не отдаст ему себя. Пушкина не знала, куда ей деваться от его настояний; она ломала себе руки и стала говорить как можно громче. По счастью, ничего не подозревавшая дочь хозяйки дома явилась в комнату, и гостя бросилась к ней.

П. И. БАРТЕНЕВ
Со слов кн-ни В. Ф. Вяземской.
Рус. Арх., 1888, II, 310.

Идалия Григорьевна Полетика, овдовев, жила до глубокой старости в Одессе, в доме брата своего гр. А. Г. Строганова. Она не скрывала своей ненависти к памяти Пушкина. (...) Дело было в том, что Пушкин не внимал сердечным излияниям невзрачной Идалии Григорьевны и однажды, едуци в карете, чем-то её оскорбил.

П. И. БАРТЕНЕВ
со слов В. Ф. Вяземской.
Рус. Арх., 1908, III, 294.

25 января Пушкин и молодой Геккерн с жёнами провели у нас вечер. И Геккерн, и обе сестры были спокойны, веселы, принимали участие в общем разговоре. В этот самый день уже было отправлено Пушкиным барону Геккерну оскорбительное письмо.

Кн. ПАВЕЛ ВЯЗЕМСКИЙ.
Собр. соч., 556.

Д'Аршиак принёс Пушкину ответ. Пушкин его не читал, но принял вызов, который был ему сделан от имени сына.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ –
вел. кн. Мих. Павловичу.
Щёголев, 261.

200

Тут он (*Пушкин*) указал на Данзаса и прибавил:

– Вот мой секундант.

Потом обратился к Данзасу с вопросом:

– Согласны вы?

После утвердительного ответа Данзаса Пушкин уехал, предоставив Данзасу, как своему секунданту, условиться с д'Аршиаком о дуэли.

А. АММОСОВ
со слов К. К. Данзаса, с. 18.

Данзас, по словам знавших его, был весельчак по натуре, имел совершенно французский склад ума, любил острить и сыпать каламбурами; вообще он в полном смысле был *bon-vivant*. Состоя вечным полковником, он только за несколько лет до смерти, при выходе в отставку, получил чин генерала, вследствие того, что он в мирное время относился к службе благодушно, индифферентно и даже чересчур беспечно; хотя его все любили, даже начальники, но хода по службе не давали. Данзас жил и умер в бедности, без семьи, не имея и не нажив никакого состояния, пренебрегая постоянно благами жизни, житейскими расчётами. Открытый прямодушный характер, соединённый с саркастическими взглядами на людей и вещи, не дал ему возможности составить себе карьеру.

Н. А. ГАСТФРЕЙНД.
Товарищи Пушкина по лицу.
СПб., 1913, III, 333.

Было около 4-х часов.

Выпив стакан лимонаду или воды, Данзас не помнит, Пушкин вышел с ним из кондитерской; сели в сани и отправились по направлению к Троицкому мосту.

На дворцовой набережной они встретили в экипаже г-жу Пушкину. Данзас узнал её, надежда в нём блеснула, встреча эта могла поправить всё. Но жена Пушкина была близорука; а Пушкин смотрел в другую сторону.

А. АММОСОВ, 21.

На место встречи мы прибыли в половине пятого. Дул очень сильный ветер, что заставило нас искать убежища в маленькой сосновой роще. Так как большое количество снега могло стеснять противника, пришлось протоптать тропинку в двадцать шагов.

Виконт д'АРШИАК – кн. П. А. Вязевскому,
1 февр. 1837 г. Дуэль, 53 (*фр.*).

Противников поставили, подали им пистолеты, и по сигналу, который сделал Данзас, махнув шляпой, они начали сходиться.

Пушкин первый подошёл к барьеру и, остановясь, начал наводить пистолет. Но в это время Дантес, не дойдя до барьера одного шага, выстрелил, и Пушкин, падая, сказал:

– *Je crois que j'ai la cuiss fracassée (кажется, у меня раздроблено бедро).*

А. АММОСОВ, 23.

Г-н Пушкин упал на шинель, служившую барьером, и остался неподвижным, лицом к земле.

Виконт д'АРШИАК – кн. П. А. Вяземкому.
Дуэль, 53 (фр.).

Секунданты бросились к нему, и, когда Дантес намеревался сделать то же, Пушкин удержал его словами:

– *Attendez! Je me sens assez de force, pour tirer mon coup (подождите! Я чувствую достаточно сил, чтобы сделать свой выстрел).*

А. АММОСОВ, 23.

После слов Пушкина, что он хочет стрелять, г. Геккерн возвратился на своё место, став боком и прикрыв грудь свою правую рукою.

К. К. ДАНЗАС – кн. П. А. Вяземскому,
6 февр. 1837 г. Дуэль, 55.

На коленях, полулёжа, Пушкин целился в Дантеса в продолжении двух минут и выстрелил так метко, что если бы Дантес не держал руку поднятой, то непременно был бы убит; пуля пробила руку и ударилась в одну из металлических пуговиц мундира, причём всё же продавила Дантесу два ребра.

А. А. ЩЕРБИНИН.
Пушкин и его современники, XV, 42.

Геккерен упал, но его сбила с ног только сильная контузия; пуля пробила мясистые части правой руки, коею он закрыл себе грудь, и, будучи тем ослаблена, попала в пуговицу, которою панталоны держались на подтяжке против ложки: эта пуговица спасла Геккерена. Пушкин, увидя его падающего, бросил вверх пистолет и закричал:

– Браво!

Между тем кровь лила из раны.

ЖУКОВСКИЙ – С. Л. Пушкину.
Щёголев, 172.

Выстрелив, г. Пушкин снова упал. Почти непосредственно после этого он два раза впадал в полубморочное состояние, на несколько мгновений мысли его помутились. Но тотчас же он вполне пришёл в сознание и больше его уже не терял.

Виконт д'АРШИАК – кн. Вяземскому.
Дуэль, 53 (фр.).

Придя в себя, Пушкин спросил у д'Аршиака:

– Убил я его?

– Нет, – ответил тот, – вы его ранили.

– Странно, – сказал Пушкин, – я думал, что мне доставит удовольствие его убить, но я чувствую теперь, что нет... Впрочем, всё равно. Как только мы поправимся, снова начнём.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ –

вел. кн. Михаилу Павловичу. Щёголев, 262 (фр.).

Пушкин был ранен в правую сторону живота, пуля, раздробив кость верхней части ноги у соединения с тазом, глубоко вошла в живот и там остановилась.

А. АМОСОВ, 23.

202

Дети Пушкина в четыре часа пополудни были у кн. Мещерской (дочери Карамзина), и мать за ними сама заезжала.

А. И. ТУРГЕНЕВ.

Пушкин и его современники, VI, 48.

Пушкин жил на Мойке в нижнем этаже дома Волконского. У подъезда Пушкин просил Данзаса выйти вперёд, послать людей вынести его из кареты, и если жена его дома, то предупредить её и сказать, что рана не опасна. (...) Данзас через столовую, в которой накрыт уже был стол, и гостиную пошёл прямо без доклада в кабинет жены Пушкина. Она сидела со своей незамужней сестрой Александрой Николаевной Гончаровой. Внезапное появление Данзаса очень удивило Наталью Николаевну, она взглянула на него с выражением испуга, как бы догадываясь о случившемся.

Данзас сказал ей, сколько мог покойнее, что муж её стрелялся с Дантесом, что хотя ранен, но очень легко. Она бросилась в переднюю, куда в то время люди носили Пушкина на руках.

Увидев жену, Пушкин начал её успокаивать, говоря, что рана его вовсе не опасна, и попросил уйти, прибавив, что, как только его уложат в постель, он сейчас же позовёт её. Она, видимо, была поражена и удалилась как-то бессознательно.

А. АММОСОВ со слов К. К. Данзаса, 27.

В это время приехал Арендт, он также осмотрел рану. Пушкин просил его сказать откровенно: в каком он находится положении, и прибавил, что какой бы ответ ни был, он его испугать не может, но что ему необходимо знать наверное своё положение, чтобы успеть сделать некоторые нужные распоряжения.

– Если так, – отвечал ему Арендт, – то я должен вам сказать, что рана ваша очень опасна и что к выздоровлению вашему я почти не имею надежды.

Пушкин поблагодарил Арендта за откровенность и просил только не говорить жене.

А. АММОСОВ, 29.

Я сказал (Пушкину), что доктор Арендт ещё здесь. (Перед поездкой к государю. – Прим. сост.)

– Просите за Данзаса, за Данзаса, он мне брат.

Д-р И. Т. СПАССКИЙ.

П. Щёголев, 197.

Ночью возвратился к нему Арендт и привёз ему для прочтения собственноручную записку, карандашом написанную государем, почти в таких словах: «Если Бог не приведёт нас свидеться в здешнем свете, посылаю тебе моё прощение и последний совет: умереть христианином. О жене и детях не беспокойся; я беру их на свои руки».

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ.
5 февр. 1837 г. Рус Стар., 1875, XIV, 92.

Жене своей он сказал: «Не упрекай себя моей смертью: это — дело, которое касалось одного меня».

В. А. МУХАНОВ.
Из дневника. Московский Пушкинист,
1927, вып. I, с. 50.

Путру на другой день 28 января боли несколько уменьшились. Пушкин пожелал видеть: жену, детей и свояченицу свою Александру Николаевну Гончарову, чтобы с ними проститься.

А. АММОСОВ, 32.

Потом потребовал детей; их привели и принесли к нему полусонных. Он на каждого оборачивал глаза, молча; клал ему на голову руку; крестил и потом движением руки отсылал от себя.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — С. Л. Пушкину.
Щёголев, 181.

Каждого из детей он благословил по три раза и прикладывал тыльную часть кисти руки к их губам.

Кн. В. Ф. ВЯЗЕМСКАЯ.
Новый Мир, 1931, кн. 12, с. 191.

После катастрофы Александрина (*сестра Нат. Ник-ны*) видела Пушкина только раз, когда она привела ему детей, которых он хотел благословить перед смертью.

Бар. ГУСТАФ ФРИЗЕНГОФ –
А. П. Араповой.
Красная Нива, 1929, № 24, с. 10 (*фр.*).

204

Пушкин, умирая, просил княгиню Долгорукову съездить к Дантесу и сказать ему, что он простил ему...

Ф. Г. ТОЛЬ.
Декабристы на поселении, 135.

Прощаясь с женою, Пушкин сказал ей: «Ступай в деревню, носи по мне траур два года, и потом выходи замуж, но за человека порядочного».

П. И. БАРТЕНЕВ
со слов В. Ф. Вяземской.
Рус. Арх., 1888, II, 311.

Умиравший Пушкин передал княгине Вяземской нательный крест с цепочкой для передачи Александре Николаевне (*Гончаровой, сестре Натальи Николаевны*).

П. И. БАРТЕНЕВ.
Рус. Арх., 1908, III, 296.

...Княгиня исполнила это и была очень изумлена тем, что Александра Николаевна, принимая этот загробный подарок, вся вспыхнула...

П. И. БАРТЕНЕВ.
2 апреля 1911 г. Щёголев, 410.

Подъезд с утра был атакован публикой до такой степени, что Данзас должен был обратиться в Преображенский полк, чтобы восстановить какой-нибудь порядок: густая масса собравшихся загораживала на большое расстояние всё пространство перед квартирой Пушкина, к крыльцу почти не было возможности протиснуться.

А. АММОСОВ, 36.

Пульс стал упадать и вскоре исчез вовсе. Руки начали стыть. Ударило два часа пополудни, 29 янв., – и в Пушкине оставалось жизни 3/4 часа! Пушкин раскрыл глаза и попросил мочёной морошки. Когда её принесли, то он сказал внятно:

– Позови жену, пусть она меня покормит.

Д-р Спасский исполнил желание умирающего. Наталья Николаевна опустилась на колени у изголовья смертного одра, поднесла ему ложечку, другую – и припала лицом к челу отходящего мужа. Пушкин погладил её по голове и сказал:

– Ну, ну, ничего, слава Богу, всё хорошо!

В. И. ДАЛЬ. Щёголев, 203.

Я смотрел внимательно, ждал последнего вздоха; но я его не заметил. Тишина, его объявшая, казалась мне успокоением. Все над ним молчали. Минуты через две я спросил: «Что он?» – «Кончилось», – отвечал мне Даль.

В. А. ЖУКОВСКИЙ. Щёголев, 189.

Несколько минут после смерти Пушкина Даль пошёл к его жене; она схватила его за руку, потом, оторвав свою руку, начала ломать руки и в отчаянии произнесла: «Я убила своего мужа, я причиною его смерти; но Богом свидетельствую, – я чиста душою и сердцем!»

Н. В. КУКОЛЬНИК.
Дневник. Записки М. И. Глинки.
Изд. «Академия», 1930, с. 464.

29 янв. 1837 года я зашёл поклониться праху поэта. Народ туда валил толпами...

Бар. Ф. А. БЮЛЕР. Рус. Арх., 1872, 202.

Наталья Никлаевна Пушкина, с душевным прискорбием извещая о кончине супруга её, Двора Е. И. В. Камер-Юнкера Александра Сергеевича Пушкина, последовавшей в 29 день сего января, покорнейше просит пожаловать к отпеванию тела в Исакиевский (написание сохранено. – *Прим. сост.*) собор, состоящий в Адмиралтействе, 1-го числа февраля в 11 часов до полудня.

ПРИГЛАШЕНИЕ НА ОТПЕВАНИЕ ПУШКИНА.
Пушкин, издание Брокгауза – Ефрона, VI, 317.

Нынешний Исакиевский собор тогда ещё строился, а Исакиевским собором называлась церковь в здании Адмиралтейства, к которой Пушкин был прихожанином, живя на Мойке.

П. И. БАРТЕНЕВ.
Рус. Арх., 1879, I, 395.

Февраль 1. Похороны Пушкина. Это были, действительно, народные похороны. Всё, что сколько-нибудь читает и мыслит в Петербурге – всё стекалось к церкви, где отпевали поэта. Это происходило в Конюшенной.

(...) Народ обманули: сказали, что Пушкина будут отпевать в Исакиевском соборе – так было означено и на билетах, а между тем тело было из квартиры вынесено ночью тайком и поставлено в Конюшенной церкви.

А. В. НИКИТЕНКО.
Записки и дневник, I, 284.

Многие студенты сговорились вместе идти на похороны Пушкина, но не знали, откуда будут похороны, – все полагали, что из Адмиралтейской церкви. Оказалось, что отпевание было в Конюшенной церкви. Толпами мы бросились сперва к Адмиралтейской, а потом к Конюшенной площади, но здесь трудно было протолкаться через полицию, и только некоторые счастливицы получили доступ в церковь.

М.-Н. Воспоминания из дальних лет.
Рус. Стар., 1881, т. 31, май, с. 160.

Думаю, что со времени смерти и до перенесения его праха в церковь в его доме перебивало до 50.000 всех состояний... Шёл даже вопрос о том, чтобы отпрячь лошадей траурной колесницы и предоставить несение тела народу; наконец, демонстрации и овации, вызванные смертью человека, который был известен за величайшего атеиста, достигли такой степени, что власть, опасаясь нарушения общественного порядка, приказала внезапно переменить место, где должны были состояться торжественные похороны, и перенести тело в церковь ночью.

ЛИБЕРМАН, прусский посланник,
при русском дворе, в донесении своему правительству,
2–14 февр. 1837 г. Щёголев, 384.

206

От глубоких огорчений, от потери мужа, жена Пушкина была больна, она просила государя письмом позволить Данзасу проводить тело её мужа до могилы, так как по случаю тяжкой болезни она не могла исполнить этого сама.

А. АММОСОВ со слов К. К. Данзаса, 39.

(...) Вместо Данзаса назначен я, в качестве старого друга, отдать ему последний долг. (...) Заколотили Пушкина в ящик. Вяземский положил с ним свою перчатку.

А. И. ТУРГЕНЕВ. Из дневника. Щёголев, 272–273.

Жена моя возвращалась из Могилева и на одной станции неподалеку от Петербурга увидела простую телегу (сани – прим. сост.), на телеге солому, под соломой гроб, обёрнутый рогожею. Три жандарма суетились на почтовом дворе, хлопотали о том, чтобы скорее перепрячь курьерских лошадей и скакать дальше с гробом.

– Что это такое? – спросила моя жена у одного из находившихся здесь крестьян.

– А Бог его знает! Вишь, какой-то Пушкин убит – его мчат на почтовых в рогоже и соломе, прости Господи – как собаку.

А. В. НИКИТЕНКО. Дневник, 12 февраля 1837 г.
Записки и дневник, I, 286.

Они (*Пушкин и его мать*) лежат теперь под одним камнем (на родовом кладбище Святогорского монастыря – прим. сост.), гораздо ближе друг к другу после смерти, чем были в жизни.

А. Н. ВУЛЬФ. Дневник,
21 марта 1837 г. Л. Майков, 217.

19 марта 1837 г. Встретил Дантеса, в санях с жандармом, за ним другой офицер, в санях. Он сидел бодро, в фуражке, разжалованный и высланный за границу.

А. И. ТУРГЕНЕВ. Дневник. Щёголев, 276.

Через три месяца после своей свадьбы, – в апреле 1837 года, – Екатерина Николаевна родила своего первого ребёнка.

Л. П. ГРОССМАН. Женитьба Дантеса.
Красная Нива, 1929, № 24, с. 11.

Екатерина Николаевна (*Дантес-Геккерн*) умерла 15 октября 1843 года от послеродового заболевания и похоронена в Сульце (*Эльзасе*)...

С. А. ПАНЧУЛИДЗЕВ
со слов П. О. Пирлинга. Панчулидзева, 90.

Сергей Львович (*отец Пушкина*), быв у невестки (*Нат. Ник. Пушкиной, в Полотняном Заводе*), нашёл, что сестра её (*Александра Ник. Гончарова*) более огорчена потерей её мужа.

Бар. Е. Н. ВРЕВСКАЯ – А. Н. Вульф, 2 сент. 1837 г.
Пушкин и его совр-ки, XIX–XX, 110.

Лет двадцать назад в Московский Исторический музей пришёл какой-то немолодой человек и предложил приобрести у него золотые закрытые мужские часы с вензелем Николая I. Запросил этот человек за часы две тысячи рублей. (...) Он открыл заднюю крышку: на внутренней стороне второй крышки была миниатюра – портрет Натальи Николаевны Пушкиной. По словам этого человека, дед его служил камердинером при Николае Павловиче; часы эти находились постоянно на письменном столе; дед знал их секрет, и когда Николай I умер, взял эти часы, «чтобы не было неловкости в семье». Часы почему-то не были приобретены в Исторический музей. Так и ушёл этот человек с часами, и имя его осталось неизвестным.

Е. Е. ЯКУШКИН.
Московский Пушкинист, II, 1930, с. 267.

(18 июля 1844 г. Наталья Николаевна Пушкина вышла замуж за Ланского.) Император Николай Павлович отнёсся очень сочувственно к этому браку и сам вызвался быть посаженным отцом. (...) Год спустя, когда у них родилась старшая дочь Александра, государь лично приехал в Стрельну для её крестин.

С. А. ПАНЧУЛИДЗЕВ.
Сб. биограф. Кавалергардов, 334.

В ноябре 1839 года я приехал в Петербург и крайне удивился, что через час вошёл ко мне Сергей Львович: он жил в той же гостинице Демута, где остановился и я. Само собою разумеется, что к господствующим разговором было воспоминание об Александре Сергеевиче, о котором старик, сильно уже оглохший и страдавший одышкой, говорил со слезами на глазах. Он пригласил меня на другой день к себе; это был день, когда к нему привозят внушек. У неё нашёл я баронессу Вревскую, соседку по имению с Пушкиным; с нею была Екатерина Ермолаевна Керн (*дочь Анны Петровны*), девушка лет двадцати пяти (21-го. – *Прим. сост.*), очень живая, умная и начитанная, которая была страстью старика. Нельзя было без юмора видеть расточающим фразы старинных маркизов, не слушающим ответов и продолжающим начатую речь. Две дочери Пушкина, премилые и бойкие девочки, осаждали старика, с улыбкой помигивая одна другой, когда он наделял их конфетами из разных карманов; я находил в них тип отца.

И. П. ЛИПРАНДИ. Рус. Арх., 1866, с. 1489.

Н. Н. Пушкина-Ланская умерла 26 ноября 1863 года.

П. В. АННЕНКОВ. Пушкин в Алекс. эпоху, 19.

